

Территория Творчества

Девять Жизней

Седьмое небо

Валентина Спирина

Девять Жизней. Седьмое небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36054903

ISBN 9785449320032

Аннотация

Девять авторов – девять жизней, девять судеб представляют на Ваш суд свои произведения самых различных жанров и направлений. Стихи представлены социальной, бытовой, пейзажной, любовной лирикой и фэнтези. Проза, также, представлена в самых разных жанрах и рассчитана на обширную читательскую аудиторию. Желаем Вам приятного времяпрепровождения.

Содержание

Ирина Кульджанова	7
Некогда!	8
Сила	10
Алексей Решетов	16
«На перекрёстке света с мраком...»	17
«Скажи, зачем мне вечность без тебя?..»	18
«Куда и зачем мы идём в этом мире?..»	19
«Шорохом безмолвия, полуночной мглой...»	21
«В пустоте пролетают дни...»	22
«Полнолуние. Он вышел на охоту...»	23
«Дождь смывает всё...»	25
«Я не понимаю этот мир...»	26
«Запишу рассудок росчерками крови ...»	27
«Мой путь бывал немного труден...»	28
«Снова осень в душе...»	29
«Ледяное сердце, ледяные слезы...»	30
«Я сплю. Во сне всегда красиво...»	31
«Так, что такое – благодать?..»	33
«Шорох. Стон. Тупая боль...»	34
«Меч затупился... Порвана кольчуга...»	35
«Ну здравствуй старый друг...»	36
«Учусь летать... Немного неумело...»	37
«Хочу туда, где нет людей...»	38

«Господь! Я слов таких не знаю...»	39
«Что смотришь на меня, безумная толпа?...»	40
«Для неё... Сердце рвется на клочья...»	42
«Плоский мир и стерты краски...»	43
«Когда вокруг апрель, а на душе зима...»	44
«Она приходит, когда очень плохо...»	45
«Кошки скребут на душе...»	46
«Что же происходит?...»	47
«Я сижу на подоконнике, в не совсем удобной позе...»	48
«Стоны души... Они просто не слышны...»	49
«Я поменял на орало клинок...»	50
«Стоп. Всё замерло на месте...»	51
«Что ты ржешь, мой конь ретивый...»	52
«Я сегодня веду войну...»	53
«Изломанный мир, позабытое время...»	55
«Полная луна тоскливо светит...»	57
Екатерина Алипова	58
Вторая любовь	59
Мангупский Мальчик	68
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Девять Жизней

Седьмое небо

Редактор Валентина Спирина

Корректор Валентина Спирина

Дизайнер обложки Валентина Спирина

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-2003-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все произведения и фотографии в сборнике изданы с согласия авторов, защищены законом Российской Федерации «Об авторском праве» и напечатаны в авторской редакции.

Материалы для обложки взяты с сайта pixabay.com

Территория Творчества

Ирина Кульджанова

Казахстан – Караганда

Некогда!

Старушениця была подвижной. Жизнерадостной. Даже когда она оставалась одна – её незваной гостье некогда было вклиниться со своим недолгим визитом между бесконечными хлопотами по дому и столь же бесконечными звонками, и заглянуть ей в глаза.

Ну да, её, Смерть, редко кто зовет. Даже те, кто иногда кричат о ней громко или настойчиво призывают шепотом со дна своего отчаяния – недостижимы для неё. Потому что они не отпускают из своей души Жизнь. Не готовы. Не принадлежат ей – таков уж порядок. Все эти чувства и эмоции – ведь это все Жизнь. И лишь те, в чьих глазах где-то в самой глубине вспыхивает на одно лишь мгновение её отражение – они будут собственностью Смерти, совсем скоро. Она находит их, словно идет на маячок, и ничего тут странного. Как ее только не называют: безжалостная, коварная, нелепая, бессмысленная, жестокая. Старуха... Ну, какая может быть старость у Вечного? Хотя... Смерть никогда не видела своего отражения, откуда ей знать. Самым странным было то, что ее называли равнодушной. Безжалостная, нелепая, коварная, бессмысленная, жестокая – это еще понятно, но равнодушная? Никогда. У нее, у Смерти, нет никакой души – так откуда может взяться равнодушие?

Смерть снова заглянула в окошко низенького, покосивше-

гося домишки. Носится бабуля туда-сюда из кухни в комнату, ягоды в чашке вон намыла, руки о фартук вытерла, плечом трубку телефонную к уху прижимает, с соседкой что-то обсуждает. И ведь есть сто одна причина ее забрать – ну, сколько можно жить, уже равновесие нарушается, ан нет, не глядит бабуська на Смерть, некогда. Не вспыхивает в живых, не по-старушечьи ярких глазах нужный маячок. А вот от соседки её – да, уже тянет мерзлой тьмой, и довольно этого тонкого сквозняка, чтоб от Жизни ее в тень свою увести. Ненадолго, конечно. Смерти только один миг и важен – когда можно от тела душу оторвать. Ни то, ни другое ей не нужно – только эта энергия беззвучно лопающихся нитей, только это насыщение и легкость.

Бабуля удивленно уставилась на замолчавшую трубку. Нахмурилась. Нажала «отбой». С тяжким вздохом обернулась к окошку, погрозила сухоньким кулаком: «Что б тебя, окаянная! Жди теперь, как схороню, потом приходи!». И выскочила из дома.

Смерть взметнула туманистый край плаща, почуяв где-то недалеко пульсирующий темный маячок. Дождется, куда она денется, эта бабуська. Если б у Смерти было б чувство юмора, она б улыбнулась, но нет. Чувства – они ж все Жизни достались...

Сила

– Просто идите. Я вас жду. – лысый богатырь в серых плавках внимательно смотрел, как шуплый старый кореец подслеповато шуруется, выбирая, куда сделать следующий шаг. Вот он нерешительно подтянул шнурок плавок, поправил большое полотенце на плече. Наконец, синяя резиновая дорожка была замечена. Выпятив живот и разведя согнутые руки для равновесия, мужчина наклонился чуть вперед, и зашагал по инерции неуверенным младенческим шагом. Переставляя непослушные ноги, он шел на полусогнутых, словно через пропасть по хлипкому мостику. Глядя на него, казалось, что этот переход он совершает еще и в полной темноте или плотном тумане. Старый кореец засеменял, скрючившись; на лице маской застыло выражение сурового алтайского идола. Тяжелые веки, почти закрывшие глаза, глубокие морщины, плотно сжатые губы. За два шага до богатыря инерция закончилась, мужчина неуклюже качнулся вперед и замер. Лысый шагнул навстречу.

– Ну вот! Нормуль.

Эта странная пара появлялась в бассейне спорткомплекса три раза в неделю. Открывалась дверь из мужской раздевалки, и выходили они. Здорово напоминали космических пиратов из фильма «Гостя из будущего». Большой, корпулентный мужчина лет сорока пяти, с россыпью веснушек по всей

спине, груди, мощным плечам. Вдоль позвоночника сороконожками крупные шрамы. Маленькая лысая голова, прижатые плоские уши, толстая, как у быка, шея. Некрасивое, подвижное лицо, рыжие, почти невидимые, брови и ресницы, нос, явно не единожды сломанный и превратившийся в бесформенную картофелину. И маленький, сухой старый корец, скрюченный, трясущийся, нелепый в своих купальных шортах и сланцах-галошиках.

Вдвоем они добирались до деревянных шезлонгов. Лысый расстилал полотенце, помогал улечься пожилому человеку на живот. Делал массаж. Его две ладони были практически на всю спину пациента. Помогал перевернуться на спину. Потом укрывал его полотенцем, и шел поплавать. Двигался в воде, как касатка – казалось, что двадцати пятиметровый бассейн ему мал, на один вдох и пару мощных гребков. Так и было, он пересекал его чересчур быстро, словно не прилагая усилий. Легко выходил из воды и устремлялся к своему подопечному. Тот лежал без движения.

– Совсем Сила стал плох. – Женщина в пупырчатой плавательной шапочке уселась на лесенке бассейна, перекрывая выход. – Запыхалась, надо отдохнуть.

Я кивнула, и думала плыть дальше. Но сразу же вернулась.

– Вы их знаете? – Мне было любопытно. Кто они друг другу? Сослуживцы? Друзья? Родственники? Врач, опекающий частного клиента?

– Знаю. Работали вместе. – Она неуклюже съехала в воду,

поудобнее облокотилась о бортик. Я терпеливо ждала. – Работая в нейротравме уже тридцать шесть лет. Меня, кстати, Лидия Николаевна зовут. Так вот. Пак Силантий Романович уже оперировал, когда я туда пришла. От Бога хирург, что уж говорить! Нас, медсестер, гонял всегда, уставали рядом с ним работать. Характер ужасный... Занудный, бестактный, жалости в нем никакой к людям. До каждой мелочи придерется. Новеньких сестер и санитарок до слез каждый раз доводил. Все не так, все не по его. И никто не указ, ни завотделением, ни главврач. И не спорил с ним никто особо. Бесплезно. Зато он смотрел на приеме пациента, и не надо ему много – ни снимков, ни анализов. Сразу верный диагноз ставил... И оперировал всегда все самое сложное. Женился поздно, уже за сорок ему было. Жил в отделении практически. Понятное дело, жена помаялась, ни мужа дома, ни денег. Собралась с двумя маленькими детьми, да и ушла от него. Так он неделю ничего не знал. Приходил затемно, засыпал на диване, а к семи уже в отделении был. А как узнал, и вовсе невыносимый стал. Как с цепи сорвался... И пить стал. Много. Один. Пациенты ж благодарные все, бутылки несут... Будто врача от сантехника не отличают. Хотя и сантехник то пьющий не большая радость... Стал он, значит, по вечерам набираться, к утру проспится, и нормально. Поначалу. А потом чем дальше, тем больше. В ту ночь вызвали его из дома. Все знали, что он за любую возможность хватается, что б оперировать, а тут... В шахте обрушение про-

изошло, только к ночи шахтеров смогли на поверхность поднять, почти все – «тяжелые», пятерых в экстренную травму привезли. И у всех – наш профиль, вот и вызвали Силу. Машину за ним отправили. А он не смог даже сам одеться. Без него оперировали.

Утром узнал, что из этих пятерых один – его лучший друг. Мартын... дай бог памяти... Алексей, кажется. Да, Мартын Алексей. Ему меньше всех повезло. Сила его как увидел, будто с ума сошел. Орал на дежурных врачей, что они его угробили, чуть драться не полез. В двух отделениях слышно было... Один из них взял и на него жалобу в облздрав написал, мол так и так, хирург, систематически злоупотребляет, ставит под угрозу здоровье и жизнь пациентов, вмешивается в работу врачей своего и других отделений, дискредитирует коллег в глазах пациентов. И так далее...

Дошло до увольнения. Он сам дверью хлопнул и ушел из клиники.

Через пару недель его нашел наш завотделения. Борисов, светлая память ему. Что уж он ему там сказал, не знаю. Вернулся Пак на работу, трезвый, как стеклышко. Мартын его к тому времени готовился к следующей операции. Сила его сам прооперировал, сложнейшая была операция...

Все сразу пошло не так. Осложнилось внутрибольничной инфекцией, полгода в общей сложности, тот пробыл на разных этажах клиники, во всех отделениях. Сила не давал его выписать. Потом в реабилитации сам с ним после рабоче-

го дня занимался. Мартын этот – огромный мужик под два метра ростом, ручищи, как ковши, гора мышц просто был. Высох... Все, что получилось, в коляску его посадить. Почему-то кажется, что Сила себя винил в этом. Он был уверен, что, если б сразу сам его оперировал, все было бы по-другому. Но вышло так, как вышло.

К тому времени ему уже было хорошо за пятьдесят. Он вдруг отказался оперировать. Ушел работать в поликлинику, почти ежедневно бывал в отделении, консультировал, даже на операциях присутствовал, но сам не оперировал. Столько слухов поползло тогда, и что он снова пьет, и что его отстранили, и что он Мартына себе простить не может... Никто и близко не догадывался, в чем дело. Пока по скорой не поступил шахтер. Мартын Александр. Сын. И произошло все – бывает же! – один в один, как с отцом. Обрушение, перелом позвоночника со смещением, сочетанная травма... Да длинный был диагноз, весь уж и не помню. Тогда в приемном дежурил наш старожил, Белин, он как увидел этого парня и фамилию, сразу с Паком связался. Документы тогда через меня все шли, официально этого Мартына завотделением оперировал. Но мы все тогда знали – Сила. Это была странная операция. Начинал и заканчивал ее Борисов, Пак работал как никогда долго. На себя был не похож. Замедленный, несколько раз останавливался, словно забывал и вспомнить не мог, что дальше. Борисов ему, как интерну, подсказывал.

Но, в целом, все благополучно прошло. То ли здоровьем Бог парня наградил, то ли и впрямь у Силы руки заколдованные, вытащил он его. Сперва с щита, на котором тот полгода пролежал, а потом и из коляски. Гонял нещадно, отдыха не давал, сам рядом с ним до изнеможения все упражнения повторял. Поставил на ноги. И снова ушел в поликлинику, и как-то быстро – на пенсию. Мы все считали, что раньше положенного возраста, а потом узнали, что по инвалидности. Болезнь Паркинсона...

Уже лет пять прошло. И вот я их обоих тут встречаю – Сашу Мартына и Силу нашего. Он уж и не узнал меня. Саша узнал, а Сила – нет. Надо же, свои дети далеко, а вот помощь пришла ему, откуда не ждал никто. И вправду говорят – что вложишь, все вернется...

Она помолчала. Поблагодарив за историю, я уже собиралась выйти из воды, когда Лидия Николаевна вздохнула: «Скольким он здоровье вернул... Есть бог на небе! Хорошая болезнь. Мирный стал, обид не помнит, людей не помнит. Как ребенок»

Алексей Решетов

Россия – Тамбов

«На перекрёстке света с мраком...»

На перекрёстке света с мраком,
Где вдаль уносятся мечты,
Брела, однажды, тень с собакой —
Такой вот поворот судьбы.
И не скользила серым сгустком
И не стелилась над землёй...
Брела. Уродливо и грустно
Клонясь под воздуха струей...
И пёс, весь серый и облезлый,
Породы вовсе не понять,
За нею следом брел, болезный,
Забыв что значит есть и спать...
Они брели сквозь дни и версты...
Куда? Кто знает, не поймёшь...
А кто они? Тут тоже сложно...
Ищи ответ! Авось, найдёшь...

06.03.16

«Скажи, зачем мне вечность без тебя?..»

Скажи, зачем мне вечность без тебя?
Мне не легко, поверь, найти ответ...
Чтобы бесцельно, в вечной суете,
Она прошла, как дым от сигарет?
Чтобы скитаться по лавинам лет
Как путник, не имеющий приют?
Чтобы стремиться донести всем свет,
Которого, увы, уже не ждут?
Чтобы, как плёнку, перематывать мечты,
Определяя, где же был не прав?
И убеждаться – жизнь моя лишь ты.
Вот только поздно. Не унял свой нрав...
И не сберег, не разглядел и не простил...
Теперь увидел я источник бед —
Себя любя, тебя недолюбил...
Нужна мне вечность? Я отвечу – «Нет!»...

04.12.14

«Куда и зачем мы идём в этом мире?..»

Куда и зачем мы идём в этом мире?
Зачем разрушаем чужие мечты?
Мы просто никчемные слуги на пире,
Которых забыли во время чумы...
Когда нерожденные плачут от боли,
Когда неумершие смотрят нам вслед,
Мы просто бредем в полумраке сомнений,
Себе не давая понятный ответ
Зачем мы живём. А точнее существуем,
Ведь Жизнью назвать это точно нельзя,
Себе мы отводим здесь звание судей,
Не ведая, что есть повыше Судья,
Который оценит не то, что хотим мы
Своею игрою другим показать,
А то, что сокрыто от глаз и от слуха,
То, что никому невозможно сыграть...
Все мысли, все тайны, мечты и надежды,
Всё то, что себе мы боимся сказать —
С улыбкой спокойной, уверенной, нежной
Он нам предъявит, но во время суда...
Не будет тогда никаких оправданий,
Повтор невозможен поступков и встреч,
И кто-то получит своё наказание,

А кто-то с любовью воскликнет: «Отец!
Я здесь, чтоб с Тобой разделить эту вечность,
К Тебе я стремился сквозь сонмы веков,
Прости, что порой проявлял я беспечность,
Нести наказание за это готов!»

А Он улыбнется и скажет с любовью:
«Приди же ко Мне, мой возлюбленный сын!
За то, что Любовью покрыл ты обиды
Здесь, тоже, ты будешь навеки любим!
Я мир возлюбил и тебя в этом мире,
И каждого, кто, несмотря ни на что,
Любовью покрыл все грехи и сомненья —
Здесь ждёт только Радость, Любовь и Тепло!»

20.06.14

«Шорохом безмолвия, полуночной мглой...»

Шорохом безмолвия, полуночной мглой,
Сказкой нерассказанной буду я с тобой,
Ночью, самой первой, и последним днем,
Трепетом дыхания, палящим огнем,
Островом неведомым, дождиком в жару,
Стрелкою на компасе я к тебе приду...
И метелью белую буду я с тобой,
Никуда не денешься, будешь только мой!
И меня увидишь ты, как взойдет луна...
Нежное Видение наречешь меня...

04.03.14

«В пустоте пролетают дни...»

В пустоте пролетают дни,
В суете проходят годы,
Мы с тобой словно ночи огни,
Словно вялотекущие воды,
Словно танец последний листа,
Что летит, чуть кружась, на погибель,
Мы с тобой то ли «нет», то ли «да»,
Словно то, что никто и не видел...
Можно тысячи «словно» писать,
Добираясь неспешно до сути,
Можно «то ли» истошно кричать,
Только смысла то в этом не будет...
Так-же будет кружить суета,
Пустотою всю жизнь одевая,
Так-же будем с тобой, ты и я,
В двух шагах от заветного рая...

26.09.12

«Полнолуние. Он вышел на охоту...»

Полнолуние. Он вышел на охоту,
Серым призраком скользя среди кустов.
Только звезды в небе наблюдали
Как бежит он. Был их взор суров...
По ковру, опавших желтых листьев,
Он спешил добраться до еды,
В логовище его ждали дети —
Да, волчата, но они свои.
Дорога их жизнь и их свобода
И поэтому он вышел по светлу...
Против было всё, даже погода
Не дарила нынче темноту...
Что-то шевельнулось недалёко
И он замер, словно старый пень.
Разглядеть его, казалось невозможно,
Точно не охотник он, а тень...
Но вдруг лай раздался и с опушки
Свора псов рванулась наугад —
Как щенок попался он в ловушку,
Приковав к себе Безносой взгляд.
Он, петляя, кинулся к оврагу.
Он силен и мог бы убежать...
Но волчата... Дети – это дети,
Их без боя он не мог отдать.
И презрев расхожие сужденья

Свору за собой решил вести
И теперь не важны все сомненья
И обратно нет уже пути.
Он рванулся, было, вправо-влево,
Но вокруг уже кольцо огней...
За спиной, по-детски неумело,
Пять волчат рычали всё сильнее...
А кругом защелкали затворы
И собаки рвались с поводков.
Не знакомы здесь переговоры
И девиз один: «Души волков!»
Растянув мгновение в столетье,
Он свой гнев оборотил в прыжок...
Грянул выстрел, словно всполох в сердце
И последний облетел листок...

«Дождь смывает всё...»

Дождь смывает всё...
Боль, сомненья, страхи...
Только веток взмахи
Вновь стучат в окно,
И зовут туда,
Где раньше не был,
Там, где быть, как небыль,
Где поет вода...
Где живут цветы
И танцуют звезды,
Где бывает просто
Перейти на ты...
И всё тот же дождь,
Старый мой знакомый
Начинает снова,
Как слепого трость
Стуком пробуждать
Боль, сомненья, страхи...
И легко из праха
Жизнь с нуля начать...

«Я не понимаю этот мир...»

Я не понимаю этот мир...
Для чего и для кого живет он?
Средь чумы устраивает пир,
Поклоняясь вместо Бога мертвым...
Создает удобства для телес,
А душа живет в тисках порока,
Правит балом тут рогатый бес,
Уводя нас в мир иной до срока...
И в безумье сладостном толпа
Вновь и вновь Миссию распинает...
И известна каждого судьба,
Но что ждет его – увы, никто не знает...

«Запишу рассудок росчерками крови ...»

Запишу рассудок росчерками крови —
Пусть бегут устало по бумаге нови,
Яркие, как гроздь строки лет прошедших,
Вспоминая павших, свой удел нашедших,
Вспоминая страхи, горести и боли,
Посыпая раны вновь щепоткой соли
И тревожа память странною молвою,
Слухами тревоги тянущей с собою...
Пусть не забывают, помнят пусть навеки,
Как гранитный камень закрывает веки,
Как ложатся комья с высоты на крышку
Цинкового гроба... Плачущий мальчишка
И жена седая, хоть совсем девчонка,
Воеет, как волчица над своим волчонком...
И не вспоминает, хоть и не забудет
Милого, родного, что уже не будет...
И ложатся строки, как на сердце раны —
Пусть мы молодые, но глазами стары...

«Мой путь бывал немного труден...»

Мой путь бывал немного труден,
Когда я шел ветрам назло,
В переплетенье разных судеб,
Глотая слезы, как вино...
Когда терял друзей и близких,
Читая реквием мечте,
И поступал, быть может низко,
Не забывая о себе...
Дарил, порою не имея,
Не забирал, когда имел...
Неадекватная идея
Менять здесь слово на пробел...
И оставлять, не видя смысла,
Того, что в силах не забыть —
Сознания снова нить зависла...
Зачем любить? Зачем мне жить...
Забуду. Путь ведет в забвенье...
Тропа петляет, где ни шло...
И в этом стылом мире тленья
Меняют на металл добро...

«Снова осень в душе...»

Снова осень в душе...
Дождь мне хлещет в глаза...
Засыпает любовь,
Сердце ранит слеза,
Кровь ломает заслон
Из несбывшихся слов
И иду на поклон,
Слыша призрачный зов...
Разбиваю сердца,
Чьи-то раны лечу,
И как водится, вновь
Бью наотмашь с плеча...
Снова осень в душе...
Снова я сам не свой...
И в случайном лице
Вижу я облик твой...

«Ледяное сердце, ледяные слезы...»

Ледяное сердце, ледяные слезы...
Возглас не звучавший прежде и во век...
Ледяные взгляды, ледяные розы —
Ледяным стал самый теплый человек...
Ледяным безмолвьем затянуло время,
Ледяные стоны зазвенят в душе,
И любовь, замерзнув, станет просто бремя,
Глупая ремарка, старое клише...
И не белым снегом нас накроет вьюга,
Ледяным ковчегом нас обнимет страх,
Мы с тобою ныне ледяные слуги,
Солнце нам отныне предвещает крах...
Разорву оковы, лед огнем развею,
Чтобы напоследок заглянуть в глаза...
Что же там увижу? Я себе не верю...
В них навек застыла изо льда слеза...

«Я сплю. Во сне всегда красиво...»

Я сплю. Во сне всегда красиво,
Хоть может страшно иногда,
Волна ласкает так игриво,
Скалы неровные края
И чайка криком ярко внятным
Кому-то жизнь свою поет...
Здесь всё становится понятным,
Здесь всё почти наоборот.
И люди добрые, не злые,
Они с тобою все на ты
И короли совсем другие,
Они тут служат для страны,
А не она для них. Отраднo
Увидеть шелест листьев ив...
Я не ошибся. Впрочем ладно,
Всё спишут люди на наив...
Да я наивный! Люди слышите!
Я верю молча в чудеса...
И вспоминаю детства крыши
И вид оттуда в небеса,
Я верю в сны, они правдивы,
В них есть то нечто что дает
Мне в этой гнусной жизни силы
Жить дальше, не уйти на дно.
Пусть я мечтатель и романтик,

Пусть кто то улыбнется – пусть!
И не стратег я и не тактик,
Я странник снов! Да будет грусть...

«Так, что такое – благодать?..»

Так, что такое – благодать?
Где ее взять, кому отдать?
Где же ее приобрести
И как до дома донести?
В каком шкафу ее хранить?
Как ее людям подарить?
Так, что такое – благодать?
Быть может, это чья то мать?
Или, возможно, чей то сон?
Как жаль, что мне не снится он...
Так, что такое – благодать?
Кто может это рассказать?
Вопросы потеряли вес,
Когда пришел ответ с Небес —
Спасенье Господа принять —
Вот что такое Благодать,
Склониться перед ним в Любви...
Прими ее, мой друг, прими...

«Шорох. Стон. Тупая боль...»

Шорох. Стон. Тупая боль.
Слезы. Кончено. Огонь.
Лишь обрывки. Кто же я?
Из огня да в полымя.
Страх. Сомнения. Любовь.
Снова льется чья-то кровь...
Дождь. Лишь капли по лицу.
Обращение к Отцу.
Боже, кто я? Для чего?
Не понятно ничего.
Грохот. Зависть. Снова боль.
В раны подсыпаю соль.
Роль забыта, кончен акт...
Пульс колотится не в такт...
Разрушаю старину,
Кирпичом иду ко дну...
Непонятно. Странно. Да?
Это жизнь, а не игра...

«Меч затупился... Порвана кольчуга...»

Меч затупился... Порвана кольчуга...

Кровь стекает по лицу...

Бой окончен. Снова скука

И взываем мы к Отцу,

Мол, пошли еще нам бедствий,

Крови, боя и вина...

Вот таких вот сумасшедших

Призывает в строй война.

Мы устали от безделья,

Жажда битвы гложет нас...

«Эй, плесни, трактирщик, зелья!

Пиво ясен, к черту квас!»

Ждем, когда богам и Богу

Снова станем мы нужны...

Мы калеки этой жизни...

Мы адепты той войны,

Что еще не начиналась,

Потому как нет конца

Череды потехе ратной...

Жизнь по сути есть война!

«Ну здравствуй старый друг...»

Ну здравствуй старый друг...
Иль лучше новый враг?
Легла меж нами кровная вражда...
И замкнут нами круг
И вместо смеха страх,
Как-будто бы не знались никогда...
А помнишь, ты кричал —
«Я за тебя умру!»
И руку через версты подавал?
Каким, увы, я стал,
себя не узнаю
Уж если другу верить перестал...
Ты стал теперь другим
И изменился я,
Разрушились те узы, что с тобой
Вязали столько зим,
Бессчетные года
Их закрепляя кровью и водой...
Ну что же, счастлив будь,
Хотя мне очень жаль
И болью сердце судорожно жжет...
Хотя когда-нибудь
Мы выпьем, словно встарь —
Я верю этот светлый миг придет...

«Учусь летать... Немного неумело...»

Учусь летать... Немного неумело
Я расправляю крылья над землей...
Вокруг кричат – оставь, мол, это дело,
Рожден ты ползать, не играй с судьбой...
А я молчу... И крылья расправляю...
Пусть не видны они доселе никому...
Им не понять – я просто это знаю —
Ведь я летал... И память ту храню...
Пусть был я мал и это просто снилось,
А наяву я крыльев не имел,
Но сердце радостно и судорожно билось
И землю оттолкнув, я ввысь летел!
Летел над миром, что одел на нас оковы,
Над миром что распял в грехе Христа...
И жизнь свою хочу начать по новой,
Отбросив тяжесть древнего креста,
Поверив в Бога и очистив душу,
Отдать Любовь в тот мир, что проклинал...
Поэтому я криков и не слышал,
А просто крылья молча расправлял...

«Хочу туда, где нет людей...»

Хочу туда, где нет людей...
Где горы, море, лес без края —
То место есть, я это знаю,
Оно простое, без затей...
Там ветер шелестом весенним
Расскажет о мечте иной,
Он будет рядом лишь со мной,
Не первым даже не последним...
Прибой омоет ноги мне,
Песком шурша о чём-то светлом,
Они, наверно, дружат с ветром,
Твердят о чем то добром сне...
И ты пусть будешь там со мной,
И сидя молча у заката
Сверчков послушаем стаккато,
Когда исчезнет в море зной...
И звезды – океан огней,
Нам мирно словно лампы светят,
Мы будем там как будто дети...
Хочу туда, где нет людей...

«Господь! Я слов таких не знаю...»

Господь! Я слов таких не знаю,
Чтоб описать Тебе чего хочу...
О чем мечтал и что сейчас теряю,
О чем кричал когда-то, но молчу.
О том, как я пылал любовью светлой,
Как не стесняясь шел назло вперед...
Где это всё?! Вопросы без ответов.
Сложились крылья, оборвав полет.
Ты не подумай, я, как прежде верю,
Ты видишь, пред Тобой я, как ладонь,
Но как то странно я сегодня мерю
Все чувства – словно версты конь.
Быстрее, жестче, несмотря обратно,
Несусь вперед, не думая о том,
Что может лучше, может быть понятней
Остановиться... И открыть заветный Том,
В котором изложил Ты Суть всей жизни
И рассказал о том, что может быть...
О, Господи! Могучий и Всевышний,
Я лишь прошу, Ты дай мне не забыть
О том, что я любим людьми, Тобою,
Что я живу, и буду вечно жить,
Что в этом мире корысти и боли,
Тебе подобным, всё же можно быть...

«Что смотришь на меня, безумная толпа?..»

Что смотришь на меня, безумная толпа?
Где крики, улюлюканье, презренье?
Ты хочешь напугать? Ну что ж, испуган я.
Наверно. Мне же только шаг до тленья...

Я должен умереть, судебный приговор
Обжаловать уже никто не сможет.
Разбойник! Это я. Грабитель я и вор!
И боль души меня незримо гложет...

Я грабил, убивал, нес горе всем и вся.
Зачем? И нет разумного ответа.
И вот я на кресте – и то моя стезя!
Я заслужил – я знаю, верю в это.

Вдруг слышу громкий крик: «Распни Его, распни!»
И рядом новый крест врывают в землю.
И черни слышен глас: «Себе ты помоги!
Сойди с креста!» И я глазам не верю!

А рядом на кресте увидел я Его!
Того в кого до этого не верил.
Я слышал исцелял, я слышал нес добро!

О люди! Вы не люди, просто звери!

Он зла не сделал! Нет! Оставьте, он не тот!

Толпа стояла рядом и глумилась.

И в этот самый миг всё дрогнуло во мне

И что то очень больно надломилось...

И крикнул я: «Господь, ты помяни меня,

Когда придешь Ты в Царствие Святое!»

А Он, забыв про боль, вдруг глянул мне в глаза

И молвил: «Ныне будешь там со Мною!»

И сердца перебой дало в шагах своих...

Душа моя зашла от этой вести —

Я Богом был прощен! Я Богом стал любим!

Без взяток, без корысти и без лести!

И как приятен вздох последний на земле,

Я умирал, чтоб заново родиться.

Я Богом был прощен! Господь теперь во мне!

И с этим вряд ли что еще сравнится...

«Для неё... Сердце рвется на ключья...»

Для неё... Сердце рвется на ключья...

За неё... Хриплый стон из груди...

Для неё – звезды падают ночью...

За неё гаснут нити судьбы...

Для неё радость мира забуду,

За неё всё на свете отдам...

Для неё превращу замок в грудку,

За неё грудку форму предам...

Для неё осушу океаны,

За неё воплощу все мечты...

Для неё даже ангелом стану...

За неё... Ведь она – это ты!

«Плоский мир и стерты краски...»

Плоский мир и стерты краски,
Ночь черна и светел день,
Ходят люди без опаски,
Нет эмоций – только тень...
Суррогаты наслаждений
Заменяют им любовь,
Перепалки между прений
Согревают чью то кровь,
Охлаждают вина в склепах
И расписывают сны,
Мы с тобой среди сомнений,
Средь запутанной молвы...
Что-то где-то не случилось,
Не сбылось и не прошло,
Может, что-то вдруг забылось
Или солнышко зашло...
Или вышел бледный месяц...
Всё запуталось в конец —
Сбрось тенета прежних песен —
Ты Игрок... Но не Творец...

«Когда вокруг апрель, а на душе зима...»

Когда вокруг апрель, а на душе зима,
Когда Судьба зовёт тебя идти в дорогу,
То Хаос поборов изящною строкой,
Твой ангел подведет тебя к тому порогу,
Где слышен стали звон и стрел победных песнь,
Где знаменем любви укрыта боль потери,
Где не в почете страх и хуже гнева лезть,
Где доблесть пред тобой откроет Власти двери,
Где сердце бьётся в такт, а кровь не льется зря
И стоны не слышны под пологом забвенья,
Где спрячешь ты слезу под каплями дождя,
Отринув от себя досадные сомненья...
Ну что же ты? Вперед! Не медли, поспеши!
Твой путь уже открыт, наследье ждёт владельца!
И красками забот, порывами души
Легенду напиши о том, как бьётся сердце...

«Она приходит, когда очень плохо...»

Она приходит, когда очень плохо,
Тогда, когда весь мир сошел с ума
И всхлипами полуоткрытых окон,
Посланья миру пишет тишина.

Приходит и садится в изголовье
И молча смотрит синевою глаз...
Она приходит каждый раз как в первый,
А, может, и последний, даже, раз.

Жалеет, не сказав тебе не слова,
Ласкает, не касаясь, и молчит...
Молчит опять по старому и ново.
И манит. И по прежнему молчит...

А ты её одну лишь только видишь.
И ты один – другому не видна.
Возможно для кого то это финиш,
А для неё лишь новая игра.

Зовешь её, кричишь, Она не слышит
Вновь растворяясь на границе сна.
И только тихо дождь стучит по крыше,
Не отвечая на вопрос – ну кто ж Она?!

«Кошки скребут на душе...»

Кошки скребут на душе...
Как это всё же прелестно —
Когти проходят во мне
Ново, свежо, бесполезно.
Шрам не оставят они —
Призрак души эфемерен,
Завтра я вновь буду пьян,
Но всё ж по своему верен.
Верен тому, что ушло,
Верен тому, что осталось.
Кошки скребут на душе —
Это, наверное, радость,
Радость того, что она
Всё же осталась, не скрылась,
Не убежала в туман
И на куски не разбилась.
Не продана никому
И на залог не отдана...
Кошки скребут на душе —
Это, наверно, не мало!

«Что же происходит?..»

Что же происходит?
Мир сошел с ума!
Кровь бурлит и бродит,
Кругом голова,
Сердце замирает,
Исчезает сон,
Мысли умирают —
Я ли прав, иль он?
Кто создал всё это?
Кто решил сломать?
Умирают дети,
Гибнет чья-то мать,
Разрывают цепи
Узники времен,
Слуги преисподней
Перешли кордон...
Я срываюсь в небо,
Падая назад.
Может я виновен?
Или виноват?
Иль пойду по миру,
На боку сума?
Задавать вопросы —
Надо ли ума?!

«Я сижу на подоконнике, в не совсем удобной позе...»

Я сижу на подоконнике, в не совсем удобной позе,
Сквозь стекло я наблюдаю эпизоды жизненной прозы:
Внизу женщина идет злая, а в руках розы
И улыбка на лице, а в глазах слезы.
Для неё позабылись уже на траве утренней росы
И обрезала она в прошлом веке еще косы,
Но, как прежде, видит сны, наяву порой грезы,
Отмеряя их себе на весах аптечных дозы.
Ей хотелось бы туда, где цветут весной мимозы,
Где в горах из речек пьют воду козы,
Где налитый виноград свесил лозы,
Там, где солнца пышет жар, а не морозы...
Только снова на пути ее заносы
И начальник-кошелек с замашками Креза —
Вот бы выдернуть это всё, как занозу,
Это была бы, супер, тогда, метаморфоза!

«Стоны души... Они просто не слышны...»

Стоны души... Они просто не слышны.
Их, иногда, отражают глаза,
Боль и отчаянье выкриков мысли
И незаметная людям слеза.
Сон, что не помнишь, слова что забылись,
Вдохи и выдохи сумрачных дней,
Горе сердец, что, наверно, отбились,
Пепел давно негорящих огней...
Стоны души. Что же это такое?
Кто их придумал? Зачем? Для чего?
Чтобы лишать необычных покоя,
Чтобы глас быдла был выше всего!
Чтобы равняться под тех, кто «обычный»,
Что бы за них сединою платить...
Это так стыдно и так непривычно,
Стоны души на слова выводить.
Что же поделать с таким феноменом —
Хочешь жить в мире – как все и дыши?
И не удастся стать черному белым,
Если ты чувствуешь стоны души...

«Я поменял на орало клинок...»

Я поменял на орало клинок,
Запрятал я в сундук свои доспехи,
Шлем переделал в котелок
И позабыл я про свои успехи,
Сечу оставил молодым,
Сам же, сижу у печки вечерами,
Кости грею от жара углей,
Да вижу кошмары, порой, ночами.
И улыбаюсь, когда молодежь
Ратные подвиги воспекает.
Эх, был я когда-то, как они...
Был, только мало кто это знает.
И слава Богу! Что было – прошло,
Я просто Дед, старый мудрый советчик,
Что-то опять на меня нашло...
Видимо, Воин – призванье на вечность!

«Стоп. Всё замерло на месте...»

Стоп. Всё замерло на месте,
Затаил дыханье целый мир,
В воздухе зависли звуки песни,
Растянувшись на десятки миль.

Птицы распластались на излете,
Солнце зафиксировало бег...
Вы, как я, непознанного ждете,
А на землю просто выпал снег.

И всё замерло под легким белым пледом,
Мир устал, ему нужна любовь,
Ни война, ни горечь, ни сомненья,
Ни печали, ни чужая кровь.

Просто нежность, просто тихий шепот,
Что даруешь редко по утру...
Просто прошепчи – «Я верю в Бога!»
И добавь – «И этот мир люблю!»

«Что ты ржешь, мой конь ретивый...»

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что играешь под седлом?
Неужель, почуял силу
Потягаться с седоком?
Неужель, решил ты друга
Сбросить под копыта вниз?
Это радость или скука?
Прихоть или твой каприз?
Я ль тебя когда обидел,
Своей лаской обошел,
Доброты моей не видел,
Аль, раздор меж нас пошел?
Не с тобою ли все войны
Впереди скакали всех?
Не с тобой ль делили радость,
Не тобой ль скрывали грех?
Что поник ты головою?
Чуешь за собой вину?
Не горюй дружище конь мой,
Я ж связал с тобой судьбу...

«Я сегодня веду войну...»

Я сегодня веду войну
С подсознанием, с собственным страхом.
Я опять свою линию гну —
Слепо, яростно и с размахом.

Я кидаю на гладь листа
О грядущем слова и минувшем,
Заливает глаза вода
И мешает хорошее с лучшим.

Я терзаю своим пером
Нервы нежные ряженной музыки,
И не важно, что будет потом,
Мне б порвать на мгновенье узы.

И рвануть, что есть мочи, вдаль.
Улететь за пределы сомнений
И пусть будет немного жаль,
Той неспешной вальяжной лени.

Той замызанной суеты,
Мира, полного стереотипов,
Перепадов восторга-тоски,
Вдрызг разорванных женских всхлипов...

Просто я проиграл войну,
Пули рядом с виском зависли...
Я теперь нахожусь в плену
Своих нудных и страшных мыслей...

«Изломанный мир, позабытое время...»

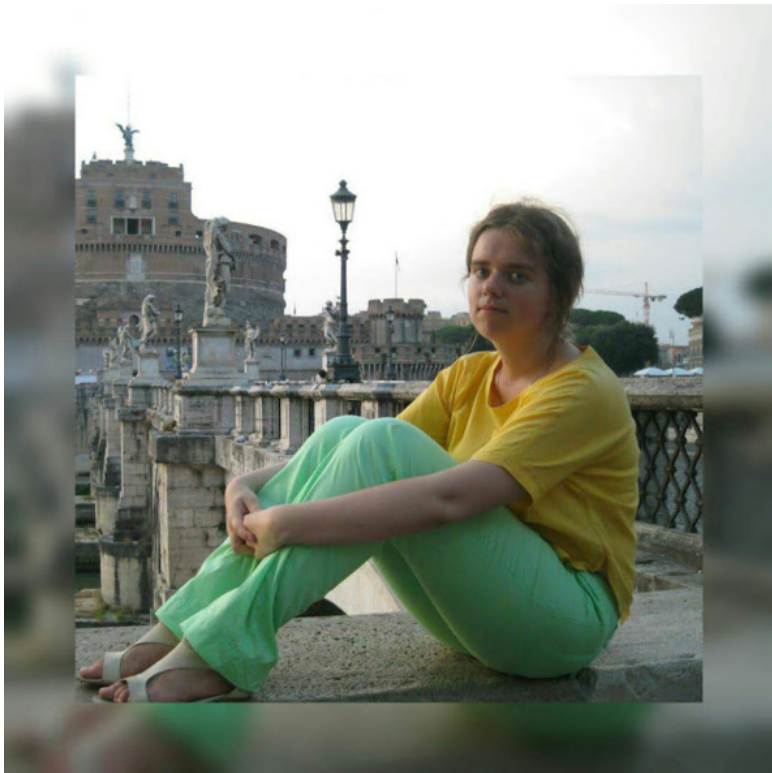
Изломанный мир, позабытое время
Обрывком веревки висит на валу...
Ему не понятно – он был или не был?
Он ангел, несущий на крыльях золу.
Осколки судьбы рассекли подсознание,
Порывы любви обескровили ум,
Спасение сокрыто в одном лишь незнании,
Но знание рушит его, как колун.
Растрата, впустую, таланта – во благо,
Но только, по правде, скажи мне – во чье?
А слёзы, живая и мертвая влага,
Как дождь, постучатся в окошко твоё.
Напомнят о жизни. Напомнят о смерти,
О тех, кто остался, о тех, кого нет,
О той неосознанной и страшной жертве,
Что отдал когда-то за ложный ответ.
И кровью цветов вновь умоется небо
И солнечный свет, словно эхо в горах,
Затихнет навеки. И он право вето
Использует снова, рассыпавшись в прах.
Но ангел, взмахнув вдруг крылом белоснежным,
Взвывается над смертью под залпы мортир...
Прощающим взглядом окинет он нежно

Забывтое время, изломанный мир.

«Полная луна тоскливо светит...»

Полная луна тоскливо светит,
Облако пытаюсь отогнать —
Ей бы попросить, как просят дети,
Ей бы отдохнуть, в ночи поспать,
Ей бы позабыть, что завтра снова
Продолжать над миром марафон,
Ей бы поменять свои подковы
И услышать колокольный звон.
Ей бы в ярко-красном сарафане
Пробежать, волнуясь, по меже
И до речки, до миленка Вани,
Что заждался, видимо, уже...
Проводить с утра детишек в школу,
Вечером с работы мужа ждать —
Ей бы добродушной было б в пору,
Но об этом может лишь мечтать
И светить тоскливым бледным светом
На улыбки сонные людей...
Ей бы... Но не будем рвать ей нервы.
Ей и так намного тяжелей...

Екатерина Алипова

Россия – Москва

Вторая любовь

*Мы с тобою пойдём в этот сад, наклонённый полого,
Пенье тихое птиц над цветами закружится вновь,
И тогда мы вдвоём осознаем присутствие Бога,
Ибо Бог есть любовь.*

(А. М. Городницкий)

Встретиться договорились у памятника Кириллу и Мефодию: этот уголок Москвы любили оба, хотя Ваня несколько хуже знал. Он вообще достаточно плохо знал город, хоть и прожил в нём всю жизнь. Для этого (конечно, в частности) ему и нужна была Марина: она знала Москву как свои десять пальцев (она всегда так говорила, вместо привычных пяти) и очень увлекательно рассказывала. Почему не пошла в экскурсоводы? Такой талант в землю зарывает! Ваня огляделся и бросил быстрый раздражённый взгляд на часы. Ну и что, что он плохо знает город! Он зато пунктуален, в отличие от Марины, которую он ждёт здесь как дурак уже семнадцать минут.

Маринину внешность Ваня помнил отлично и, всё-равно, сначала не узнал в этой красивой, стройной и очаровательно уверенной в себе девушке прежнего гадкого утёнка их школы.

Да, почему-то Марину Цыганкову в школе дразнили

и травили все, практически без исключения. Хотя за что, ученик параллельного класса Иван Заварзин понять никак не мог. Но именно он – робкий, ранимый и «серенький» на общем цветастом фоне симпатичных и талантливых одноклассников – первым прорвал блокаду и подружился с Мариной. Он чувствовал, что его новая подруга гораздо умнее и сильнее духом, чем он, и отчаянно тянулся к ней, поглощая стопки классической литературы и вникая во все тонкости различных наук, начиная с химии и математики и заканчивая религиоведением и философией. Но чем больше Ваня узнавал Марину, тем больше поражался. Казалось, она совсем не чувствует интеллектуальной разницы между ними, общалась она со своим другом на равных, терпеливо объясняла непонятные слова и мысли, которыми делилась с Ваней. А над его штудиями и философскими выкладками посмеивалась:

– Да пойми же ты: такой ты – настоящий. Такой, как есть, каким тебя создал Бог. А если ты набьёшь свою голову чужими мыслями из книжек, это будешь уже не ты, а... ходячая энциклопедия! Всё обо всём, но без души. Без твоей золотой чуткой души, так остро отличающей добро от зла.

Тогда Ваня впервые осознал, почему над ней все смеются: в этом несуразном мире по-прежнему встречали по одежке.

На фоне одноклассниц Марина отличалась не то чтобы уродством, а какой-то вопиющей антикрасотой. Нездоровый цвет лица, непропорционально огромные впалые глаза, кур-

носый, как у императора Павла Первого, нос, ненакрашенные губы, не полные и не узкие, а как-то ни то ни сё. Всё лицо в веснушках, как будто на Марину распылили из баллончика рыжую краску. Вечно сальные, невымытые волосы, неровно сколотые ещё, наверное, прабабушкиными шпильками. Всегда в растянутых свитерах или неглаженных кофтах, в каких-то нелепых юбках с допотопными оборочками и – в довершение всего – в стоптанной обуви. Естественно, что большинство ребят – сверкающих, ярких, модных – считали Марину слегка «того» и относились к ней соответственно. Ваня думал, что причина в этом, пока не наткнулся у Ахмадулиной на пронзительнейшие строки, написанные о Марине Цветаевой:

*Да и за что любить её, кому?
Полюбит ли мышинный сброд умишек
То чудище, несущее во тьму
Всеведенья уродливый излишек?*

В тот раз у Вани даже навернулись на глаза слёзы, настолько эти строки подходили к другой Марине, Цыганковой, *его* Марине.

Тогда он впервые употребил по отношению к своей подруге это местоимение. Сам испугался и смутился этой неожиданной мысли. К тому времени они с Мариной уже два школьных года были практически не разлей вода, и до Вани, конечно, долетали мерзкие смешки бывших друзей и ед-

кие замечания типа «тили-тили-тесто, жених и невеста!» или «братцы, вы посмотрите, что деется: он в сумасшедшую влюбился!», но мальчик, если бы был уверен в собственной вере, а не шатался из крайности в крайность, мог бы поклясться на Кресте и Евангелии, что у него и в мыслях не было ничего такого. Но тогда, склонясь вьюжным зимним вечером при тусклом свете ночника над томом Ахмадулиной, Ваня просто для того, чтобы отличить одну Марину от другой, Цветаеву от Цыганковой (даже фамилии у них на одну букву!), употребил по отношению к последней определение «моя» – и с этой секунды всё стало по-другому.

На следующий день, сидя с Мариной после уроков в «кофе-хаузе», он процитировал ей так зацепившие его накануне строки, и девочка, отхлебнув через соломинку мохито, тут же, как будто невзначай, продолжила это стихотворение и дочитала его до конца. При этом ей совершенно не пришло в голову, что Ваня имел в виду её, и это последнее обстоятельство окончательно сразило мальчика. Он вдруг всем своим существом ощутил, что безумно любит эту несуразную, слишком громкую девочку в растянутом и до катышек застиранном свитере. Это было так неожиданно, что Ваня, и без того застенчивый, прямо-таки растерялся. Наверное, поэтому и не клеился тогда дальнейший разговор.

На их отношениях это не сказалось. Окончив школу, ребята разошлись по разным вузам: Ваня – в первый мед., Марина – в историко-архивный – но сохранили по отношению

друг к другу обоюдное товарищеское тепло, хотя виделись теперь гораздо реже: у обоих было много учёбы и много сторонних дел.

И вот друзья наконец-то выкроили время друг для друга и договорились встретиться. И вот, опоздав на двадцать минут, перед Ваней стояла стройная девушка с модной причёской, покрашенными розовым блеском губами, в очаровательном золотистом полупальто. Шейный платок хвойно-зелёного цвета оттенял глаза и почти скрадывал наличие веснушек: зелень с двух сторон смягчала буйную рыжину и облагораживала посвежевшее лицо. В воздухе по-летнему пахло вербеной – Ваня не сразу понял, что это её духи.

– Привет, – улыбнулась Марина так же просто, как и всегда. – Прости, пожалуйста, я опоздала немножко...

– Ничего страшного, – ответил мальчик, почти машинально целуя её три раза в щёки, как они здоровались друг с другом раньше.

Они пошли по залитой солнцем предвесенней Москве, и Марина болтала без умолку, и звонко, простодушно смеялась, и рассказывала Ване обо всех памятниках архитектуры, встречавшихся на их пути. А мальчик – теперь уже почти юноша – внимательно слушал и искренне пытался запомнить, хотя мысли его были далеко. Он вспоминал ту девочку из «кофе-хауза», тянувшую безалкогольный мохито, читавшую следом за Ваней Ахмадулину и с милой улыбкой рассуждавшую:

– Ну что за имя для такого мальчика – Ваня? Слишком просто. Джон? Ещё хуже... Надо подумать... Жан? Йоханнес? Иоганн? Ян? Юхан? Нет, как-то всё не то... Иоанн! Нет, ещё лучше: Иванушка! Не дурачок, конечно, а Царевич.

И Марина тогда смеялась, а Ваня осознавал первый порыв совсем ещё детской страсти. Хотелось взять её на руки – всю-всю в одну большую охапку – прижать к себе покрепче и не дышать.

Сейчас рядом с ним шла совсем другая девушка – элегантная, женственная и серьёзная. И, хотя тон и манеры Марины остались прежними, Ваня не находил в ней и следа той нескладёхи, в которую имел тогда неосторожность так отчаянно влюбиться. Это было до слёз обидно, но мальчик сдерживался, не плакал и даже разговаривал с Мариной с весёлым лицом.

Петляя уютными переулками, дошли до Морозовского сада. Сели прямо на бордюр клумбы: скамеек не было. Оба устали, хотя прошли, по сути, совсем немножко. Долго сидели молча, потом Марина спросила, глядя на друга по-прежнему детски большими зеленоватыми глазами:

– Так как мы решили тебя называть? Тогда, помнишь, в «кофе-хаузе»?

– Иванушкой, – откликнулся мальчик и сам не заметил, как от того, что она тоже помнит ту встречу, его лицо залила краска. Он попытался взять себя в руки, но от этого стал совершенно беспомощным и покраснел ещё сильнее. Поднял

на Марину умоляющие глаза. Она смотрела на него спокойно и дружелюбно, и от этого бесстрастного спокойствия становилось тепло-тепло. Ваня чувствовал, что это совсем другая Марина, не та девочка в застиранном свитере, но обнять её от этого хотелось не меньше. Первая любовь давно прошла, осталась в том «кофе-хаузе», но теперь, спустя эти долгие суматошные годы, её место заняла вторая, более взрослая и серьёзная, но от этого не менее сумасшедшая.

– Марина... – пролепетал он пылко, робея и сникая. Он-то, в отличие от неё, остался тем трогательным мальчиком, каким был тогда.

– Иванушка, – улыбнулась девушка простодушно, как будто совсем не замечая ни первой, ни второй Ваниной любви. Казалось, ей вообще было невдомёк, что этот сентиментальный юноша может быть в неё влюблён. – Иванушка, я летом замуж выхожу!

Воцарилась тишина. С одной стороны, Ваню как будто оглушили чем-то тяжёлым, но с другой, он неожиданно даже сам для себя почувствовал, что страшно рад за неё. Ведь ещё в школе это казалось совершенно невыносимым – неужели хоть кто-нибудь из этого «мышинного сброда умишек», кроме Вани, когда-нибудь сможет понять, какой замечательный человек его Марина? А вот, оказывается, лёд тронулся, Марина выходит замуж. Не верилось.

И тут мальчик поймал себя на мысли, что не верилось исключительно из-за этой так внезапно оглушившей его вто-

рой любви. Ведь это же его Марина, он первый её открыл и, как разбойник, захвативший добычу, не собирается ни с кем делиться. Впервые в жизни в недрах тихого мальчика просыпался хищник. Ваня даже сам испугался: неужели он способен на такие чувства?

Марина положила ему руку на плечо:

– Ты расстроился, мой мальчик? Не грусти: мы ведь друзья, друзьями и останемся.

– Да, – кивнул Ваня почти автоматически. Хотелось схватить её за руку крепко-крепко, может быть, даже до боли, развернуть к себе и сказать «я люблю тебя». Чтобы это «я люблю тебя» стало решительным аргументом, почему она должна остаться. Но вдруг мальчик до боли, до леденящих мурашек по спине ощутил, что аргумент, как говорится, не проканает.

Марина, кажется, всё поняла. Отошла от Вани и ткнулась носом в молодой листочек какого-то неведомого растения, только-только проклюнувшийся из почки. Она не хотела, чтобы Иванушка заметил слёзы в её глазах.

Над предзакатным городом собиралась гроза.

– Сколько времени? – спросила Марина нарочито отрешённо, чтобы не сдаться, не поддаться этой его второй любви, как не поддалась в своё время первой. Не потому что не любила, а потому что любила как друга, как брата-близнеца, как тень или своё отражение в зеркале. Ну разве можно выйти замуж за отражение? Глупо. Но они зависят друг

от друга, и если отражению больно, ей больно тоже.

– Пять часов, – ответил Ваня как-то блёкло.

– Ой... так много уже? Мне пора! – засуетилась девушка. Подошла совсем близко и внимательно посмотрела другу в глаза:

– Пообещай, что не будешь делать глупостей. Мне это очень важно.

И ушла. Когда цоканье её лёгких каблучков по асфальту затихло вдалеке, Ваня тоже вышел на улицу. Гроза разошлась, и садящееся солнце проливало на всё нежный золотой свет, делая все здания вокруг немного сказочными и волшебными. На деревьях помаленечку набирали силу бледненькие листочки. Оставалось всего полторы недели до Пасхи, и как никогда хотелось жить и радоваться. У Вани защемило сердце от такой красоты, и вдруг ужасно захотелось петь. А когда с колокольни князь-Владимирского храма донёлся густой мелодичный перезвон, мальчик растрогался окончательно. И вдруг понял, что вторая его любовь – вовсе не самоуверенная и прекрасная девушка, собирающаяся летом замуж, а весь Китай-город, и вся весенняя Москва и весь мир. И именно весь мир хотелось обнять и заплакать.

А колокола продолжали ликовать, и в их звонкой весенней песне чувствовалось присутствие Бога.

Мангупский Мальчик (Исповедь проглядевшей)

*Памяти ушедшего друга,
памяти ушедшего лета...*

И вот – снова Херсонес, снова синее-синее море, камни на берегу – маленькие и добрые – белёдые, большие и суровые, вековые – тёмно-серые, в пасмурную погоду (которая, впрочем, так редка в конце июля в этих краях) кажущиеся чёрными, снова выгоревшая жёлтая трава под ногами, а высоко-высоко, на фоне ослепительного неба – торжественный купол херсонесского собора, целый день сияющий в лучах солнца – и восходящего, и нестерпимо стоящего в зените, и, шипя, купающегося в море перед сном. Здесь не мысли, даже не чувства – здесь одна большая молитва без слов или, точнее, из двух вечных слов, вмещающих в себя всё – «люблю» и «спасибо».

Несмотря на некоторые непривычные вещи – жизнь в домиках вместо палаток, готовку на общей кухне и – самое страшное – запрет на разжигание костров – жизнь обещала быть замечательной.

На второй или третий вечер на общем собрании у газовой горелки, олицетворявшей собой костёр, были распределены группы. Одна из них на неделю или, точнее, на шесть

дней, уходила в «дальнее плавание» на Мангуп-Кале, другая оставалась пока здесь, возле ласкового моря и белого с золотом собора. Куда ей хотелось больше, Катя не знала, поэтому пусть всё будет как будет.

Что ж, решено, шесть дней нужно потерпеть без моря, зато в горах, рядом с развалинами старой крепости, ближе к звёздам, солнцу и ветру в лицо. Впрочем, как хорошо знала Катя по прошлому разу, Мангуп имеет волшебное свойство сближать самых разных людей. В этой группе было не так много новеньких, но почти все те, кого Катя уже знала, впервые оказались с ней в одной группе. Тем лучше: первая неделя обещала быть потрясающе интересной.

На Мангуп-Кале, как и в любом древнем и таинственном месте, была своя леденящая душу легенда. Местная повествовала о последнем княжиче некогда могучего и непобедимого государства Феодоро. Мальчик бросился со скалы, чтобы не попасть в плен к туркам и не стать янычаром. Княжество Феодоро в тот раз было захвачено турками, но говорят, что до сих пор в неверном свете сумасшедшей мангупской луны можно встретить невысокого красивого мальчика, который, подойдя поближе, доверчиво заглянет тебе в глаза, позовёт прогуляться и непременно скинет с обрыва в пропасть, потому что ты не феодорит, а незнакомец, чужак, а значит, пришёл не с миром.

Пожалуй, Катя была единственной из всей экспедиции, кто всерьёз верил в Мангупского Мальчика. Нет-нет, она,

конечно, прекрасно понимала, что такие легенды нужны для того, чтобы младшие участники группы не разбредались гулять в одиночку после отбоя, но... ей просто очень хотелось с ним подружиться. Чтобы не он взял её за руку, а она его – и отвела бы к своим. Потому что свои – свои, и пришли с миром, и называются «Феодоро». Потому что человек должен жить среди людей, если только он не отшельник в каком-нибудь густом непроходимом лесу.

Подъём на гору был, как и всегда, крут во всех смыслах этого слова, петляя траверсом по поросшим мхом камням и утоптанной многочисленными туристами тропинке между деревьями. Но вот то тут, то там по сторонам дороги стали появляться большие каменные утюги караимских захоронений, испещрённые надписями на иврите, и это означало, что осталось немного. Сейчас караимские надгробия расступятся в разные стороны, за шумом ветра в листве послышится говор источника (может, потому он и называется Женским, что говорит без перебоя на высоких нотах?) и из-за серых стволов насуплено глянет башня и часть стены старой крепости (вот здесь бы и сидеть Мангупскому Мальчику верхом на крепостной стене, болтая беззаботно ногами. Раз уж он хочет охранять свои владения, то лучше места и не придумаешь). А от источника – только, переведя дыхание, взобраться на большой камень, которому кажется, что он преграждает путь (должно быть, он дружит с Мальчиком и помогает ему, как может), сделать ещё несколько шагов по героически

пробившейся сквозь скалу траве – и ты дома. И можно просто упасть на траву и долго-долго глядеть в рыжеющее небо, а можно, поставив палатки и наскоро переобувшись, убежать на край, туда, где гора на шаг впереди тебя начинает стремительно падать вниз; и оттуда наблюдать, как, вспыхивая то ли от любви, а то ли в свете садящегося солнца, над старой горой догорает день. Главное – несмотря на множество необходимых дел и радость взаимопомощи не пропустить этот момент, потому что он единственный в жизни. Он каждый раз единственный в жизни, как Пасха или Рождество, когда снова и снова – и каждый раз впервые – воскресает или воплощается Единственный в мире Бог.

Потом дни шли своим чередом, привычным, раз заведённым ходом, и каждый приносил свои впечатления, свои путяковые проблемы и огромные радости, как будто дней было не шесть, а сто шесть. В них была и недолгая, но утомительная по жаре дорога к Гроб-горе и монастырю святого Феодора Стратилата, где встретил друзей кристальной чистоты и прозрачности игумен отец Даниил, казавшийся чудом уцелевшим в этой глуши феоdorитом, ровесником древнего княжества, доброго солнца и скал, в которых был высечен монастырь; и спуск на нынешний раскоп – крутой, местами даже опасный, но с противоположной – солнечной – стороны горы, где те же серые камни, из которых Господь в незапамятные времена построил Мангуп, кажутся гораздо светлее, а значит, добрее, дружелюбнее.

А каким же ещё должен быть Мангупский Мальчик? Конечно, он будет почти сливаться с окружающей природой. Поэтому, когда спускаешься вниз по серым камням на раскоп, он должен быть в светло-сером. И совершенно не важно при этом, облачён он в длинный хитон византийского княжича или в обычную футболку и джинсы.

Разговор в тот день был, скорее, обыденной болтовнёй, но иногда всё же приобретал черты философской беседы. Мангупский Мальчик тем приятно и отличался от остальных, что глубокомысленные разговоры о высоком, на которые так падка была Катя, выражаясь современным языком, не выносили ему мозг. Наоборот, он с удовольствием поддерживал их, поддаваясь очарованию окружающих мест. На глубокомысленно философские рассуждения он отвечал обычно кратко, глядя куда-то вдаль парой чуть прищуренных глаз, но всегда по существу, верно подмечая самую суть. А впрочем, свиду Мангупский Мальчик ничем не отличался от своих друзей, шагающих сейчас рядом с ним вниз по склону: так же любил посмеяться вдоволь над меткой шуткой, поболтать о незначущих мелочах, мило пошалить или поддаться мелким грешкам вроде сплетен или осуждения ближнего. Если бы не эта вселенская печаль в глазах, его вообще никак нельзя было бы признать среди разномастной толпы ребят.

В один из дней ребята, кроме дежурных, уходили в недалний поход на соседний мыс с самым неромантичным

из всех четырёх мысов Мангупа названием Дырявый. Кате ужасно хотелось пойти с ними, но то ли она была сонной и потому небыстро всё делала, то ли куртка, испугавшись чего-то, забила в дальний угол палатки – друзья ушли без неё. Ну подумаешь, велика беда! Катя уже бывала там в прошлом году, она знает дорогу и может запросто догнать их. А лучше никуда не бежать сломя голову, потому что когда бежишь, обязательно проглядишь самое главное, а спокойно прогуляться до цитадели, а то и до того же Дырявого мыса.

Вот и источник – другой, Мужской, величественный и красивый, вполне соответствующий своему названию. Здесь хочется посидеть и в тишине помолиться, поразмыслить о красоте окружающей природы (что, возможно, одно и то же, особенно здесь).

Вдруг, кто-то догнал её и окликнул по имени. Катя обернулась – ну конечно, всё тот-же, в сером, кажущийся выросшим из этих камней. Так просто и чуть застенчиво улыбается:

– Я передумал. Пошли вместе.

Это он о том, что пять минут тому назад, провожая Катю до источника, не мог разорваться между желанием пройтись по Мангупу и долгом дежурного по лагерю. Решил тогда, всё-таки, дежурить: нехорошо оставлять двух девочек одних готовить на всю ораву. Теперь вот, передумал. Катя была рада.

В дороге, конечно же, тоже о многом говорили, и ни с кем ещё Кате не удавалось пообщаться так искренне и непринуж-

дённо. В какой-то момент Катя поняла, что догонять группу, пожалуй, и не надо: это ведь только она догадалась, что он и есть на самом деле Мангупский Мальчик, а для остальных он просто один из участников экспедиции. Так пусть так и будет. С участником экспедиции она ещё успеет пообщаться, когда все вернутся в лагерь и сказка отойдёт на задний план перед повседневностью, а вот настоящий Мангупский Мальчик – её находка, и пусть он даже скинет Катю вниз с обрыва, до этого она будет единственной, кто сумел с ним по душам поговорить.

Дорога, местами, приветливо улыбаясь жёлтыми стрелками, какого-то незнакомого цветка, вывела их к обломанной цитадели, приобретшей в лучах клонящегося к закату солнца совершенно непередаваемый на словах оттенок. Мангупский Мальчик легко взлетел на, понемногу осыпающуюся, стену (ещё бы, это ведь его родные места, хоть он и тщательно это скрывает), подал руку неуклюжей замешкавшейся Кате, и вот уже они вдвоём стоят на нагретых солнцем камнях цитадели и смотрят в красивейшие безмятежные дали, и здесь уже не надо говорить, потому что когда вместе молчишь, то лучше понятно.

А если забраться ещё чуть-чуть повыше, оттуда чуть ли не с единственной точки на Мангупе будет видно море. Картина в это время суток поистине потрясающая: низина далеко-далеко залита розовато-персиково-сиреневым цветом садящегося солнца, и в его лучах чётче кажется интенсивно би-

рюзовый оттенок, которым окрашено всё вдальеке. И примерно посередине полыхающей в последних лучах чертой проходит водораздел в самом что ни на есть прямом смысле этого слова: всё бирюзовое, что выше этой черты – небо, а всё, что ниже – море, неуловимо другого оттенка, солёное и живое. А чуть правее, но тоже где-то там, внизу, вдальеке уже начинает зажигать огни Севастополь, и там Херсонес и их друзья, но отсюда почти не видно.

Катя искоса глянула на друга: он, как замороженный, смотрел на это фееричное зрелище, всё отказываясь верить, что это – так близко – может быть море. Он, даже, раза два или три переспрашивал

– А, может, это на закатном небе оставил след самолёт? А может, что-то ещё? – он, кажется, готов был изобрести тысячу невероятных вариантов, настолько невообразимой была эта близость моря. Они что-то ещё говорили о Боге, Которого Мангупский Мальчик наконец нашёл после долгих лет раздумий и поисков, о море и друзьях в Херсонесе, о том, что не каждый день выпадает видеть такую красоту. Катя всё смотрела на его доброе лицо – когда он не смеётся, кажется таким усталым – озарённое всё отказывающимся догорать закатом, и ей вдруг так захотелось его обнять, зарыться поглубже в тоже добрую серую футболку... Но кто знает, вдруг Мангупский Мальчик не любит, когда его обнимают? Поэтому Катя сдержалась, но, словно с намёком, рассказала ему о том, что в прошлом году влюблённая пароч-

ка их друзей (как жаль, что никто из них не сумел приехать этим летом!) тоже бегала на цитадель любоваться закатом над морем. Мальчик в ответ улыбнулся (Катя сразу вспомнила из Цветаевой – «и – самое родное в Вас – прелестные морщинки смеха у длинных глаз») и сказал, что те двое, конечно же, были правы, что любоваться закатом с руин Мангупской цитадели лучше всего ходить вдвоём и влюблённым. Потом замолчал, продолжая глядеть вдаль и думая о своей, которая наверняка была.

А Катя думала о своём, который сейчас в армии где-то в Кенигсберге (ну и что, что Калининград? Ведь сейчас здесь Мангуп, цитадель, далёкое море и закат – а значит, всё должно называться красиво). А Мангупский Мальчик похож на него любимым Катиным качеством в людях – кристальной, солнечной непосредственностью. А ещё, пожалуй, чем-то неуловимым во внешности и тем, что с первого взгляда он кажется совсем другим, чем есть на самом деле, но обе ипостаси прекрасны, хотя и совершенно разные. Хотелось вдохнуть и задержать дыхание, но пора было возвращаться.

Спустились с цитадели – Мангупский Мальчик снова подал Кате руку, не только заботливо поддерживая, чтобы ей легче спуститься, но и из-за романтики момента – и оба решили дойти до края обрыва, почти до мыса (они ведь туда изначально и шли, только группа, наверное, давно уже в лагере). И тут Катя и подумала, что Мангупский Мальчик наконец-то решил выполнить своё предназначение и утащить

её вниз с обрыва, подумала почти всерьёз и, как ни странно, обрадовалась этой мысли: не столкнуть, а именно утащить – это ведь значит, что им придётся прыгнуть вместе, держась за руки. Только ему ничего не будет, он ведь Мангупский Мальчик... а Катя... пожалуй, это будет самая красивая и самая романтическая смерть за всю историю человечества.

Дошли до края обрыва. Внизу и вдалеке на холме уютным махровым покрывалом простирался лес. От высоты и красоты захватывало дух, и Катя, восхищаясь всем этим великолепием, услышала, как Мальчик сказал серьёзно и вдумчиво, голосом, уже успевшим стать ей за этот вечер почти родным:

– Вот в такие моменты и понимаешь, что над тобой Кто-то большой и мудрый...

После этих слов надо было ещё какое-то время помолчать, чтобы лучше прочувствовать этого Большого и Мудрого. Потом Катя без слов показала сложенные горсточкой руки. Она знала, что Мальчик поймёт и так, но на всякий случай пояснила:

– Да. И ощущаешь, что Он тебя держит – вот так, в ладонях – и бережёт. Каждый день, каждый шаг.

Было ли в ответ сказано что-то про то, что мы постоянно пытаемся из этих ладоней вырваться, и из-за этого все проблемы, или Кате просто очень хотелось, чтобы это было сказано в ответ, неважно. Надо было пробираться обратно, потому что нужно успеть в лагерь до темноты – а ночь на Мангупе падала после затяжных сумерек с фантастиче-

ской быстротой. Конечно, точно дорогу никто из них не помнит, но это ведь не беда, потому что примерное направление ясно, а если ты не хочешь спуститься с горы, то рано или поздно выйдешь к лагерю, потому что идти больше некуда. Пошли. И снова пошли разговоры – и серьёзные, и болтовня, и Катя всё переживала, что слишком громко разговаривает, а Мальчик только улыбался и отвечал, что наоборот, далеко не с каждым можно так искренне поговорить. Видимо, на Мангупского Мальчика тоже нашло лиричное настроение, потому что цветы и травы, которых, несмотря на каменистую почву, было здесь достаточно много, в его руках как-то сами собой стали складываться в букет. Он получался красивым, разным, сделанным с душой и в самом поэтичнейшем настроении.

– Тайному другу подарю, – как обычно просто улыбался Мальчик, добавляя в букет очередную симпатичную травку или цветик.

Играть в «тайного друга» они начали ещё в Херсонесе. Суть игры состояла в следующем: тому, чьё имя написано на вытянутой тобой из шляпы бумажке, ты должен делать приятное, дарить маленькие подарочки так, чтобы человек ни за что не догадался, что это ты.

Катя улыбнулась: а вдруг это она – его тайный друг, и Мальчик сейчас подарит этот букет ей? Ну и что, что выдаст этим себя? Такие моменты надо ловить здесь и сейчас, потому что второго раза не будет.

Сделав лишний крюк, кажется, вышли к лагерю. Слава Богу. Мангупский Мальчик, которому Катя, по его просьбе, немного помогала с букетом, внимательно оглядел получившийся результат, ещё раз повторил:

– Тайному другу подарю. – И добавил, – Давай сейчас его спрячем, а потом, чуть погодя, ты подаришь? А то, мы пришли вместе, и если ты пойдёшь дарить сейчас, все сразу догадаются, от кого букет.

– Давай, – согласилась Катя. – А кто у тебя тайный друг?

Мангупский Мальчик мило растерянным жестом достал из кармана бриджей помятую записку. Катя поняла: он не всех ещё знает по именам. Как могла, объяснила, кто такая девочка Таня, означенная в записке.

– Я так и думал, – согласился Мальчик, – просто хотел уточнить. На всякий случай.

Они спрятали букет в палатке, и Мальчик вернулся к дежурству, а девочка задумалась в сгущающихся сумерках. Мечта исполнилась: она привела Мангупского Мальчика к людям. Он будет жить среди них, станет им другом. Но среди людей Мальчик, пожалуй, до времени затаится, уйдёт вглубь себя. Чтобы все по-прежнему думали, что он – один из ребят в экспедиции. А Катя будет знать правду, но будет молчать, потому что она верный друг, а сказка должна быть сюрпризом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.